

Динамика занятия ускоряется от первых блоков к последним в пропорции 40,30,20,10% отведенного времени. Это значит, что на практико-технологический блок уйдет больше всего времени, а на научно-теоретический меньше всего.

Такое соотношение между частями обуславливается двумя причинами.

Во-первых, управленческих и социальных типов в усредненной студенческой группе факультета экономики и менеджмента всегда намного больше, чем гуманитарных, не говоря уже о сайентистах (ученых).

Во-вторых, вес управленческой установки, под которой понимается степень ее востребованности в нынешнем обществе, несоизмеримо выше, чем установки научно-теоретической.

По схеме полного цикла «технология – игра – нравоучение – теория» имеет смысл обучать тем предметам и знаниям, которые хорошо отработаны, закреплены традицией, давно и стабильно работают в общественной практике.

А.В. ПРОСКУРИНА,

*филиал Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета
в г. Пскове*

СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТАХ В 1920-е-1930-е гг.

В работе рассматривается вопрос о советском законодательстве о религиозных культурах. Опираясь на обширную источниковую базу автор анализирует его становление и развитие в 1920-е – 1930-е гг.

Советское государство определило свое отношение к религии и церковной организации уже в первые месяцы своего существования. Новая власть предполагала введение жестких мер для утеснения религиозной свободы граждан. По декрету о земле от 8 ноября 1917 г. церковь в целом и приходское духовенство лишались права собственности на землю. В результате все церковные и монастырские земли переходили в руки государства. 11 декабря 1917 г. был принят декрет о передаче всех церковных школ в комиссариат просвещения, т.е. церковь лишалась семинарий, училищ, академий и связанного с ними имущества. 18 декабря того же года аннулировалась действительность церковного брака и вводился гражданский.

Однако, юридическим документом, положившим начало планомерной анти-церковной политике советской власти, стал декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 20 января 1918 г.¹ Церковь лишалась права юридического лица, ей запрещалось владеть собственностью. Не устанавливалось никакого переходного периода между старым и новым способом существования церкви, власть предписывала немедленное прекращение государственных ассигнований в пользу церкви. Отныне религиозные общества могли получить необходимые для богослужения здания и предметы на условиях бесплатного пользования и с разрешения местных властей. Полученное церковью «в бесплатное пользование» имущество подлежало налогообложению. Уплата налогов была затруднительна, так как церковь и религиозные общества лишались прав на взыскание сборов. В декрете оговаривалось, что свобода религиозных обрядов возможна, если они не нарушают общественного порядка, но местные органы власти имели право принимать любые меры для его обеспечения. Школа отделялась от государства, т.е. преподавание религиозных вероучений в государственных, общественных и частных учебных заведениях с общеобразовательными предметами не допускалось. Граждане могли обучаться религии частным образом.²

Разъяснения по декрету были даны в специальной инструкции народного комиссариата юстиции от 24 августа 1918 г. «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». По инструкции не допускались совершения религиозных обрядов в государственных и общественных помещениях, религиозные шествия допускались только с письменного разрешения властей. Религиозное общество, количеством не менее 20 человек старше 18 лет, могло получить в пользование храм и культовые предметы. Общество обязано было хранить и беречь данное имущество и делать ремонт по первому требованию властей.³ Наем работников могли осуществлять отдельные члены общества, и это рассматривалось как частная сделка, которую облагали высоким налогом. Циркуляр, разработанный Народным комиссариатом юстиции, разъяснял, что при получении храма, группа верующих должна заключить с местными органами власти договор о его использовании. Церковь подлежала закрытию, если не оказывалось граждан, желающих взять это здание в пользование или в силу нужды в помещении для общепользовных целей. Первые постановления советской власти свидетельствуют, что главной задачей режима было уничтожение национальной церкви. Отсутствие подготовленных в юридическом смысле кадров создавало благоприятные условия для административной самостоятельности на местах. Согласно правительственному постановлению от 12 июня 1922 г. функционирование религиозных объединений считалось легальным только при условии их регистрации в местных органах власти. Это узаконивало преследование незарегистрированных религиозных групп и их руководителей как духовенства, так и мирян. Регистрации подлежали все лица, обслуживающие данный храм, приход, епархию. Таким образом, власти контролировали назначение духовенства и обладали правом выслать на три года без суда лиц, присутствие которых в данном районе могло считаться опасным с точки зрения защиты «революционного общественного порядка».⁴ В определенной мере сдерживала антицерковные действия властей первая Конституция РСФСР, принятая 10 июля 1918 г., так как она провозглашала свободу и религиозной, и антирелигиозной пропаганды. Правда, уже 19 июля 1923 г. Народный комиссариат юстиции принял инструкцию «По вопросам, связанным с проведением декрета «Об отделении церкви от государства», которая запрещала пропаганду религиозного учения.⁵ Запрещалась благотворительная деятельность церкви и религиозных обществ. В итоге церковь лишалась одной из своих основных функций. Уголовный кодекс РСФСР (1922 г.) предусматривал наказание в виде принудительных работ на срок до одного года за благотворительную деятельность и преподавание малолетним и несовершеннолетним религиозных учений в школах.⁶ Родителям с обоюдного согласия разрешалось обучать своих детей религии самим.

Конституция РСФСР, принятая в мае 1925 г., подтверждала лишение избирательных прав духовенства и членов их семей⁷ (положение об этом впервые введено в Конституции РСФСР 1918 г.). В 1925 г. были запрещены всякие религиозные процессии или церковные службы вне церковных стен без специального письменного разрешения местных властей в каждом отдельном случае. Таким образом, законодательно-правовая основа государственной политики в отношении церкви была создана, по существу, в первые шесть лет советского правления.

Постановления центральных органов власти, касавшиеся вопросов культа, конкретизировались в циркулярах и резолюциях местных властей, которые нередко были более жесткими. Так, 7 декабря 1926 г. Холмский уездный исполком Псковской губернии принял постановление «Об оплате жилья для духовенства». В нем подчеркивалось, что служители религиозного культа должны платить 55 копеек за квадратный метр в национализированных домах, что было в 10 раз больше того, что платил рабочий.⁸ В начале 1927 г.

Невельский уездный исполком увеличил в два раза местный налог со строений, находящихся в пользовании всех частных лиц и обществ, в том числе религиозных. При этом уездный исполком подчеркивал, что общество должно уплатить увеличенный налог в течение двух месяцев, в противном случае последует расторжение договора.⁹ Принятие этих указов свидетельствовало об усилении экономического давления на духовенство.

Наряду с распоряжениями административно-репрессивного характера, местные власти принимают постановления о развитии антирелигиозной пропаганды. Это свидетельствовало о том, что ко второй половине 1920-х гг. государство отказалось от «лобовых атак» на церковь и приняло курс на долговременную борьбу с религией. Первыми в Псковской губернии приняли соответствующие распоряжения Порховской и Островский уездные исполкомы. В октябре 1926 г. они подписали циркуляры, в которых рекомендовалось использовать массовые формы атеистической работы: красные посиделки, лекции, громкие читки и беседы.¹⁰

Со второй половины 1920-х гг. советские органы все чаще обращались к вопросам антирелигиозной работы в деревне, что обуславливалось трудностями роста социалистического хозяйства на селе. Ленинградский облисполком подчеркивал, что «в деревне религиозные настроения находят питательную базу в экономической, культурной и политической отсталости и становятся в руках кулаков средством контрреволюционного влияния на середняцкие и бедняцкие слои деревни.»¹¹ В сентябре 1927 г. Ленинградский облисполком рекомендовал местным властям упорядочить дело борьбы с религией в деревне.

Постановления о развитии антирелигиозной пропаганды в деревне сочетались с указами административного характера. 20 сентября 1927 г. Псковский окрисполком принял постановление «О платности за обучение и воспитание в учреждениях народного образования Псковского округа». В нем отмечалось, что «лица, живущие на нетрудовые доходы, и лица, находящиеся на их иждивении вносят плату за обучение в техникумах в полуторном размере уплачиваемого ими подоходного налога; в школах – в размере уплачиваемого ими подоходного, но не свыше 300 рублей; в дошкольных учреждениях – в размере уплачиваемого ими подоходного налога, но не свыше 250 рублей в год.»¹² Постановление окрисполкома в том числе касалось детей священнослужителей, так как последние были отнесены властью к «нетрудовым элементам».

Вторая сессия ВЦИК XII созыва, состоявшаяся 22 ноября 1926 г., ввела в действие с 1 января 1927 г. новый уголовный кодекс. В разделе о контрреволюционных преступлениях разъяснялось: «Всякого рода организованная деятельность, направленная на свержение, подрыв или ослабление советской власти влечет высшую меру защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества, лишением гражданских прав и изгнание из пределов СССР навсегда. Те же действия с использованием религиозных или национальных предрассудков масс... влекут за собою те же меры защиты»¹³

В декабре 1927 г. в г. Москве проходил XV съезд ВКП (б), ознаменовавший переход отечественного сельского хозяйства на социалистические рельсы. Социалистическое строительство в деревне предполагало «изживание мелкобуржуазной психологии» путем развертывания пропаганды идей марксизма, антирелигиозной агитации.¹⁴ Неоднократно подчеркивалось, что в ходе коллективизации борьба кулацких элементов поддерживается духовенством.

Борьба с религией в деревне становится одной из первоочередных задач. В 1928 г. Великолукский окрисполком в резолюции «О состоянии антирелигиозной работы в округе» отмечал, что «все советские организации должны создавать ячейки Союза безбожников на селе, устраивать для крестьян лекции атеистического содержания, проводить агитсуды над сектантами и руководителями «двадцаток». Райисполкомам вменялось в обязанность через административные отделы контролировать деятельность священников.»¹⁵

14 мая 1928 г. Леноблисполком, проанализировав состояние антирелигиозной пропаганды в деревне, подчеркнул, что, несмотря на ранее принятые постановления о борьбе с религией в 1927-1928 гг., выросла активность религиозных организаций. В связи с этим он вновь рекомендовал всем организациям создавать курсы и кружки атеистической направленности, профсоюзам обеспечить их учебными пособиями. Перед советской обще-

ственностью была поставлена задача принять меры к выявлению и ликвидации нелегальных религиозных организаций. Советским органам предлагалось ликвидировать монастырские и сектантские «лжекоммуны» и артели путем экономического воздействия (недопущение кредитования на семена, машины, усиления налогов на хозяйство, эксплуатирующих чужой труд, более жесткого отношения к сдаче религиозным группам помещений закрытых церквей и к даче им разрешений на постройку новых церквей), усилить административную борьбу с их антисоветской деятельностью.¹⁶ Следовательно, постановление выделяет два основных момента: с одной стороны это рекомендации всем советским и партийным организациям включиться в антирелигиозную пропаганду в городе и деревне, с другой стороны – предложение использовать административные методы борьбы с религиозными группами.

Переломным в отношении советской власти к ведению антирелигиозной работы стал 1929 г. 24 января 1929 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О мерах по усилению антирелигиозной работы», подписанное секретарем ЦК ВКП (б) Л.М.Кагановичем, в котором отмечалось, что Церковь и религиозные организации используют трудности социалистического строительства для контрнаступления на мероприятия советской власти. ЦК подчеркивал, что необходимо различать верхушку религиозных организаций от рядовых верующих. К верхушке рекомендовалось применять жесткие меры. К простым верующим - агитацию, разъяснение и вовлечение в социалистическое строительство. Советы должны были устраивать в бывших монастырях и церквях сельскохозяйственные коммуны, больницы, школы, не допуская существования в них религиозных организаций. От Наркомпроса требовалось готовить учителей к антирелигиозной работе, закреплять практику организации атеистических вечеров и воскресных рабочих и крестьянских курсов и университетов; поощрять работников искусства в деле создания антирелигиозных пьес, кинопьес.¹⁷

Законодательная основа государственной политики в отношении церкви получила свое дальнейшее развитие в постановлении ВЦИКа и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г., которым государство поставило под контроль все внешние стороны деятельности церкви и её внутреннюю жизнь. Правительство признавало только «двадцатки» мирян, которые составляли приход и арендовали помещения у местных властей. Они должны были зарегистрироваться в месячный срок. Однако органы, производящие регистрацию могли не зарегистрировать общество или же отвергнуть отдельных членов «двадцатки». Местные власти регистрировали священников, что позволяло также отвергать неугодных. Подтверждалось, что религиозные общества не имели прав юридического лица, не могли производить сборы средств на церковь, создавать кассы взаимопомощи, оказывать поддержку своим членам, устраивать собрания, организовывать кружки, библиотеки. Договоры о ремонте церковных помещений могли заключаться только отдельными членами «двадцатки» и рассматривались как частные сделки, облагаемые чрезмерно высоким налогом. Священники также должны были платить непомерный налог как «доходные» частные предприятия. В случае неуплаты священники и члены приходских советов могли быть арестованы, вследствие чего многие приходы закрывались.¹⁸ Факт регистрации религиозных обществ означал, что религиозные общины берут на себя обязательства по соблюдению законодательства и контролируются государством. Постановление также определило условия, при которых могли производиться закрытия молитвенных зданий.

В мае 1929 г. XIV Всероссийский съезд Советов внес поправку в статью 4 Конституции РСФСР. Узаконивались свобода религиозных исповеданий и свобода антирелигиозной пропаганды. Исповедание предполагало исполнение религиозных обрядов и возможность религиозных проповедей. Власть присвоила право утверждать персональный состав церковного управления, ограничивала возможность богослужения.

Постановления давали общие направления развития антирелигиозной работы и конкретизировались в циркулярах местных органов власти.

В августе 1929 г. Псковский окрисполком рекомендовал не принимать в техникумы «лишёнцев», в том числе священнослужителей и их детей.¹⁹ 27 ноября 1929 г. Великолукский окрисполком принял решение увеличить ставку земельной ренты с земель, зани-

маемых зданиями религиозных культов. Устанавливался двухнедельный срок уплаты ренты со дня вручения извещения на уплату таковой. В результате многие религиозные «двадцатки» не смогли платить новую ренту, храмы закрывались, а общины ликвидировались.

18 декабря 1929 г. Новгородский окрисполком и Президиум горсовета утвердил постановление «О подыскании складочных помещений для размещения хлебогрузов в Новгороде и округе», в соответствии с которым любая церковь могла быть закрыта, если её помещение передавалось под хлебный склад. В результате оказались закрытыми Тихвинская церковь в г. Новгороде, Покровская в Зверинском монастыре и другие. При закрытии храмов все районные административные отделы должны были изъять в госфонд следующее церковное имущество: колокола, подсвечники, люстры, лишние предметы утвари и облачения.

17 декабря 1929 г. Псковский окружком ВКП (б) дал указания развернуть «антирелигиозный поход» как особое мероприятие, задачей которого являлось усиление борьбы с религией в деревне.²⁰ Псковский окрисполком принял план «похода». Он был рассчитан на период с 25 декабря 1929 г. по 30 мая 1930 г. За это время планировалось организовать ячейки Союза воинствующих безбожников во всех колхозах, совхозах, школах, на предприятиях, в учреждениях. В дни рождества рекомендовалось добиться стопроцентной явки на работу и отчислений заработной платы в фонд индустриализации и коллективизации. В период «похода» все советские организации должны были развить кампанию за закрытие церквей, использовать для этой цели митинги и собрания рабочих и крестьян, лекции, беседы и другие формы массовой работы. 4 декабря 1929 г. Новгородский Округком ВКП (б) так же принял резолюцию о развитии «антирелигиозного похода». Таким образом, 1929 г. стал началом «похода против Церкви».

2 февраля 1930 г. ОГПУ издало приказ, в котором подчеркивалось, что «в целях организованного проведения ликвидации кулачества и других «чуждых элементов», в районах сплошной коллективизации необходимо нанести сокрушительный удар антисоветским элементам». Мероприятия предполагалось развернуть по двум линиям. Во-первых, немедленная ликвидация контрреволюционного кулацкого актива. Во-вторых, массовое выселение из районов сплошной коллективизации и пограничной полосы наиболее богатых крестьян с конфискацией их имущества. Для выполнения этих задач планировалось в кратчайший срок ликвидировать все действующие контрреволюционные организации и активных одиночек, обеспечить быстрое проведение следствия по всем таким делам во внесудебном порядке – в «тройках» ПП ОГПУ.²¹ Практически реализация приказа привела к арестам священников, членов их семей, а также простых верующих, сокращению числа религиозных «двадцаток». Репрессивно-административные меры соответствовали всему духу, направлению государственной политики и политической атмосфере в стране.

9 февраля 1930 г. Ленинградский Облсисполком утвердил решение «О закрытии церквей и о прекращении колокольного звона». Фракциям ВКП (б) при окружных и районных исполнительных комитетах предлагалось в двухнедельный срок проработать данный вопрос. Одним из первых откликнулся на это постановление Псковский окрисполком, принявший решение развернуть кампанию за запрещение колокольного звона и закрытие церквей в округе.

К весне 1930 г. ситуация в религиозном вопросе достигла критической точки. Коллективизация сочеталась с раскулачиванием служителей культа, закрытием церквей и молитвенных домов. НКВД сообщал, что «крестьянство в знак протеста выходит из колхозов, требует открытия церквей и освобождения арестованного духовенства». Для стабилизации обстановки, снижения социальной напряженности ЦК ВКП(б) 14 марта 1930 г. принял постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», которым обязал все советские и партийные организации прекратить административное закрытие церквей, допускать закрытие только в случае действительного желания большинства крестьян.²² Однако это никоим образом не означало отказа от борьбы с религией, о чем свидетельствовала резолюция Ленинградского обкома ВКП(б) от 19 марта 1930 г, разъяснявшая, что в деревне происходит обострение классовой борьбы, поэтому все

советские и партийные организации должны усилить антирелигиозную работу, шире развернуть кампанию закрытия церквей и снятия колоколов.²³

Таким образом, на протяжении 1930-х гг. административное, экономическое давление на духовенство усилилось. В 1931 г. Ленинградский обком ВКП(б) принял постановление об усилении административных мер в отношении религии. В нем отмечалось, что необходимо неуклонно проводить политику вытеснения кулака и «чуждых элементов» из районов сплошной коллективизации; увеличить налоговое обложение их хозяйств.²⁴ Постановление стало еще одним шагом в деле усиления гонений на церковь. Эти гонения, коллективизация и ликвидация кулачества как класса вызывали напряжение в социально-политической жизни страны и заставляли власть ужесточать политику.

Состоявшийся в январе 1933 г. пленум ЦК ВКП(б) вновь подчеркнул необходимость усиления борьбы с «чуждыми элементами». К ним были отнесены и священники. А 8 мая 1933 г. вышла инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР, которая предусматривала полный разгром «врагов» советской власти посредством усиления репрессий. От ОГПУ, милиции и прокуратуры требовалось производить аресты и выселять «противников» колхозов.²⁵ Гонения нередко происходили на основе клеветы и доносов. В стране нагнеталась обстановка шпиономании, подозрительности и доносительства.

Новый виток репрессий начинается после убийства 1 декабря 1934 г. члена Политбюро ЦК ВКП(б), секретаря ЦК и Ленинградских областного и городского комитетов партии С.М.Кирова. В день убийства по инициативе И.В.Сталина президиум ВЦИК принял постановление об ускоренном и упрощенном порядке рассмотрения обвинений в подготовке или совершении террористических актов. И.В.Сталин обвинил церковь в связи с контрреволюционными элементами, что ужесточило гонения на священников. К концу 1930-х гг. число священников на территории СССР сократилось на 95%, к 1936 г. в РСФСР осталось действующими только 35% церквей от действовавших в 1917 г.²⁶

В Конституции СССР, принятой в 1936 г. предусматривались право отправлять религиозные культы и свобода антирелигиозной пропаганды. Отправление культа предполагало только выполнение обряда. Предоставлялись пассивные избирательные права духовенству,²⁷ однако реально у верующих и духовенства не было шансов провести своих кандидатов на выборах в Советы, так как в это время большинство священников и активных членов «двадцаток» находились в тюрьмах, и никто не рискнул бы выдвинуть их кандидатуры на выборах. Тем более, что 30 июля 1937 г. был принят оперативный приказ «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» за подписью народного комиссара внутренних дел СССР Н.И.Ежова. В приказе отмечалось, что в деревне осело много в прошлом репрессированных, церковников и сектантов, бывших активных участников антисоветских выступлений. Н.И.Ежов поставил перед всеми органами государственной безопасности задачу разгромить всю эту «банду антисоветских элементов». Они подлежат аресту и, при рассмотрении их дел – расстрелу. Менее активные, но враждебные элементы арестовываются и заключаются в лагеря на срок семь-десять лет. В приказе давался план проведения операции. Началом операции было 5 августа 1937г, окончанием – 5 декабря 1937 г. Приговор приводился в исполнение лицами по указаниям председателей «троек».²⁸

Приказ Н.И.Ежова запустил безумную механическую систему карательных органов на полную мощность. Один за другим организовывались громкие политические процессы о надуманных «контрреволюционных организациях». Сильно страдали сельские священники, которые рассматривались как враги, действующие внутри колхозов. Приграничное положение многих районов Ленинградской области влияло на характер фабрикуемых дел. В большинстве из них речь шла об «активной шпионской деятельности» священнослужителей.

Вместе с указами о развертывании репрессий продолжали приниматься постановления о развитии антирелигиозной пропаганды. В январе 1936г и в феврале 1937 г. Псковский окрисполком, например, разработал соответствующие резолюции, в которых рекомендовал сельским партийным, советским, культурно-просветительным учреждениям разоблачать «контрреволюционную сущность» религии и духовенства.²⁹

Итак, в 1920-е – 1930-е гг. политика по насильственной ликвидации религии была законодательно оформлена в указах и постановлениях органов советской власти. Принятию правительственных постановлений чаще всего предшествовали указания партийных органов. На основе принятых законодательных актов государство активно вмешивалось в церковную жизнь и каноны.

Но опыт 1930-х гг. показал, что даже в самых неблагоприятных для церкви условиях, созданных дискриминационным законодательством, успехи борьбы с религией были скромными. Население, особенно сельское, оставалось верующим.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф.4591. Оп.32. Д.13. Л.215
- ² Антирелигиозный сборник на 1929 год с материалами для антирождественской кампании. М., 1929. - С.51
- ³ Центральный государственный архив историко-партийных документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф.24 Оп.1. Д.28. Л.47
- ⁴ ЦГА СПб. Ф.1000. Оп.65. Д.55. Л.11
- ⁵ Антирелигиозник. 1930. - №7. -С.29
- ⁶ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф.р-247. Оп.1. Д.5. Лл.13-14
- ⁷ Там же. Ф.р-247. Оп.1. Д.5. Лл.17, 24-25
- ⁸ Там же. Ф.р-247. Оп.1. Д.26. Лл.47-49. Д.5. Лл.13-14
- ⁹ ЦГАИПД СПб. Ф.24 Оп.1. Д.272. Л.29
- ¹⁰ ЦГА СПб. Ф.1000. Оп.14. Д.63. Лл.13, 21
- ¹¹ ГАПО. Ф.р-247. Оп.1. Д.16. Л.14
- ¹² ЦГА СПб. Ф.7384. Оп.33. Д.20. Л.272
- ¹³ Антирелигиозник. 1935. - №6. -С.56-57
- ¹⁴ ЦГА СПб. Ф.6276. Оп.18. Д.143. Л.24об.
- ¹⁵ Антирелигиозник. 1936. - №5. -С.42
- ¹⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. - М.: Политиздат, 1985. -Т. 6. -С.422
- ¹⁷ IV расширенный пленум ЦС СВБ 1-4 февраля 1938. – М.: ОГИЗ, 1938. -С.48-49
- ¹⁸ Пропаганда и агитация. 1939. - №9. -С.62
- ¹⁹ Антирелигиозник. 1926. -№5. - С.14
- ²⁰ Коммунистическая партия и советское правительство о религии и церкви. – М.: Политиздат, 1959. - С.40
- ²¹ Антирелигиозник. 1927. -№10. - С.14
- ²² ГАПО. Ф.р-247. Оп.1. Д.2. Л.14
- ²³ Антирелигиозник. 1927. -№6. - С.24
- ²⁴ ЦГА СПб. Ф.1000. Оп.65. Д.105. Л.222
- ²⁵ Там же. Ф.6392. Оп.1. Д.3. Л.23
- ²⁶ Там же. Ф.1000. Оп.13. Д.92. Л.92
- ²⁷ Там же. Ф.6392. Оп.1. Д.3. Л.51
- ²⁸ Безбожник. 1930. - №12. -С.7
- ²⁹ ГАПО. Ф.р-247. Оп.1. Д.13. Л.53

А.В. ПРЯЛУХИНА,
Российский государственный социальный университет в г. Мурманске

БЕЗНАДЗОРНОСТЬ КАК ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ ПАТОЛОГИИ

Статья исследует проблему детской безнадзорности и причины её существования в Российском обществе.

Мы пришли в XXI век, а проблема детской безнадзорности приобретает еще большую остроту и актуальность, так как их численность не уменьшается, а растет. В нашей стране происходят сложные и неоднозначные процессы. Социально-психологические процессы современного общества на протяжении многих лет связаны с изменением политической обстановки и специфических реформ в России. Это влечет за собой снижение благосостояния значительной части населения, уменьшение возможностей российских семей по воспитанию и социальному обеспечению детей, слабая защищенность семьи со стороны государства, ухудшение условий экономического положения образовательных